Елена Некрасова

Теперь ты играешь за нас

Елена Некрасова

Теперь ты играешь за нас

https://litres.ru/74999063
SelfPub; 2026

Аннотация

Теперь ты играешь за нас

Арина Смирнова с семи лет болеет за магнитогорский «Булат». И вот её первый большой контракт — разработать форму для его соперников.

Глеб Северов, капитан ярославской «Стрелы», предлагает ей место в первом ряду и своё игровое джерси. Арина отказывается: у неё есть место в восьмом секторе, и болеть она будет за своих.

— Бизнес есть бизнес, девятнадцатый номер.

Северов обещает забросить каждую шайбу лично для неё. А после матча, на глазах у репортёров, всё-таки набрасывает ей на плечи своё джерси.

— Теперь ты играешь за нас.

Через три дня Арина летит в Ярославль запускать новую форму к плей-офф. Работать на «Стрелу» она согласилась. Болеть за Северова не обещала

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Елена Некрасова
Теперь ты играешь за нас

Глава 1

Чашка перед Вадимом остывала ровно наполовину. Он никогда не допивал кофе до конца — словно следовал негласному кодексу человека, у которого даже глоток остывшего эспрессо должен быть строго регламентирован. Ни грамма больше, ни секундой дольше положенного.

За панорамным стеклом кофейни сухой уральский буран размазывал свет фонарей по проспекту Ленина в грязно-желтые пятна. Где-то за рекой, окутанные смогом, тяжело дышали исполинские трубы комбината. Но здесь, среди шлифованного бетона, теплого света ламп Эдисона и запаха дорогого молотого кофе, Вадим выглядел так, словно уже перевез свой кабинет в одну из башен «Москва-Сити». Безупречно отутюженный воротник рубашки из плотного оксфордского хлопка, серебряные запонки, тонкий безель умных часов, отсчитывающих пульс и продуктивность.

Он аккуратно положил смартфон экраном вниз — жест показного, снисходительного внимания.

— Арин, давай спокойно, без надрыва и сцен, — произнес он.

В его голосе не было ни капли злости. Только густая, сытая усталость взрослого, вынужденного в сотый раз объяснять капризному ребенку очевидные правила поведения.

— Я долго думал. Мы оба видим: мы буксуем. Точнее… буксуешь ты, а я вынужден постоянно оглядываться и проверять, не отстала ли ты.

В горле у Арины встал сухой колючий ком. Пальцы под столом судорожно сжимали стилус — граненый кусочек пластика больно впивался в подушечки, но эта боль была единственным, что удерживало ее в сознании.

Она вглядывалась в его гладко выбритое, холеное лицо и отчаянно пыталась найти в нем хоть что-то от того одиннадцатиклассника в расстегнутом пуховике. Мальчишки, который ждал ее у художественной школы в тридцатиградусный мороз, грел ее пальцы в своих карманах, таскал неподъемную папку с акварелями и с пеной у рта доказывал родителям, что Арина — гений.

Куда он делся?

Тот мальчишка умирал медленно, незаметно для нее: растворялся в корпоративных регламентах, кредите на новенькую иномарку, полугодовых отчетах и заученных интонациях начальника департамента. Вадим поднимался по служебной лестнице, и с каждой новой ступенькой в его взгляде все отчетливее проступало: ты тянешь меня вниз.

— Буксуем? — Арина заставила себя выпрямиться. Она сглотнула, не отводя взгляда. — Семь лет, Вадим. Мы вместе

со школы. Три года мы уже живем под одной крышей. Я тебя совсем не узнаю. Ты говоришь о нас так, будто закрываешь нерентабельный проект.

Вадим едва заметно и терпеливо вздохнул. Сцепил пальцы перед чашкой:

— Вот видишь. Снова школьные категории. «Семь лет», «мы обещали друг другу». Арин, мы были совсем юны. Да, дружили со школы. Тогда все чувствовалось по-другому. Люди меняются. Это называется взрослением. Я тебя не виню, боже упаси. Ты творческий человек, ты живешь эмоциями. У меня впереди защита стратегии филиала, совет директоров, переезд в Москву. Мне нужен партнер с таким же темпом, понимаешь? Надежный тыл, статус, предсказуемость. А рядом с тобой… я словно вечный дежурный по продленке.

— По продленке? — эхом повторила она, чувствуя, как щеки заливает едкий, унизительный жар.

— По продленке, — мягко, почти с жалостью подтвердил он. — Твои ночные бдения над картинками, цветные толстовки, споры о шрифтах… Это мило, Ариша. Правда. Как хобби — замечательно. Но это не жизнь. Жизнь — это дисциплина и капитализация. Я не могу больше тащить на себе груз наших подростковых клятв только потому, что тебе страшно выйти из зоны комфорта. Я перерос эти отношения. И будет честнее, если мы признаем это прямо сейчас.

Он не кричал. Не бросался упреками. Он методично, аккуратно складывал в мусорную корзину все семь лет ее вер-

ности, поддержки и любви.

Лучше бы он изменил. В измене была бы понятная человеческая грязь, животная слабость, на которую можно было бы накричать, дать пощечину, разбить чашку о стену.

Вадим не изменял. Он просто провел аудит своей жизни и вычеркнул ее как неликвидную статью расходов.

— Дело ведь даже не во мне, да? — ее голос дрогнул, но Арина заставила себя не отводить взгляд от его светлых, пустых глаз. — Тебе просто стыдно появляться со мной перед нужными людьми. Я порчу твой идеальный фасад.

Вадим не смутился. Ни одна мышца на его лице не дрогнула. Он снял со спинки стула свое идеальное шерстяное пальто, аккуратно надел его, расправил плечи и достал из кармана бумажник:

— Я не стану опускаться до перепалок, Арина. Я сказал все, что должен был сказать в этой ситуации.

Он вынул купюру. Из отделения для мелочи выглянул край ее старого пропуска в художку. На обороте еще можно было разобрать номер Вадима, записанный его рукой. Он заправил пропуск поглубже и положил на салфетку деньги. Ровно за свой эспрессо — аптекарская точность, ни копейки за ее остывший, нетронутый латте.

— Квартиру освободи до вечера. Ключи отдай консьержке, Наталье Ивановне, на стойку. Пересекаться нам ни к чему, давай сохраним остатки достоинства.

Он развернулся и пошел к выходу. Безупречная осанка,

уверенная походка человека, который только что успешно оптимизировал свое расписание на ближайший квартал.

Колокольчик над дверью тихо звякнул, впуская в кофейню секундный заряд уральской метели.

Арина сидела одна.

Вокруг шла обычная жизнь: за стойкой бариста мерно постукивал холдером по краю нок-бокса, за соседним столиком пара тихо спорила о поездке на выходные.

Она посмотрела на экран своего планшета, лежащего на столе. В черном монолитном стекле отражалось ее собственное бледное лицо с темными кругами под глазами.

«Слишком громкая. Несерьезная. Ошибка молодости».

Пальцы разжались, и стилус с глухим пластиковым стуком упал на деревянную столешницу. Руки мелко, предательски дрожали. Семь лет жизни сжались до сухого офисного вердикта: «сдана в архив за ненадобностью».

Она нажала кнопку блокировки. Экран планшета вспыхнул холодным светом.

Там, в открытом окне векторного редактора, ждал своего часа конкурс ярославской «Стрелы». Жесткие линии, графитово-синий, стальной и глубокий, холодный красный — это чистый цвет ярости и скорости, в котором нет места офисной серости и правильным манжетам.

До дедлайна оставалось четыре дня.

Арина втянула в легкие горький воздух кофейни, натянула рукава своего худи на самые ладони и стиснула зубы так,

что заболели скулы.

Слезы жгли глаза.

— Бесполезные картинки, говоришь?.. — прошептала она в пустоту, перехватывая стилус привычным жестким хватом. — Ну смотри, Вадим. Смотри внимательно.

По щеке Арины скатилась горячая слеза. Она поспешно вытерла ее рукавом.

Слава богу. Какое счастье, что она не успела рассказать Вадиму.

Заявку подала втайне, просто чтобы проверить свои силы, — а через четыре дня истекал срок сдачи финального макета. Мечтала удивить, когда придет письмо о попадании в шорт-лист. А теперь понимала: поделись она этим пару дней назад, Вадим лишь снисходительно усмехнулся бы в чашку. «Арин, ты и хоккейная форма? Не трать время на ерунду, лучше бы курсы продуктового дизайна прошла».

Ведь они уже давно не разговаривали по душам. Последние полгода их вечера сводились к его монологам: о несправедливом начальнике отдела, о нужных рукопожатиях, о трендах на запонки и о том, почему ему жизненно необходимо казаться дороже, чем он есть на самом деле. Она была для него удобным зеркалом, в которое он любовался перед выходом в свой идеальный мир. Зеркалом, которое сегодня без лишних сантиментов выставили на мороз.

Хотелось исчезнуть.

Не просто выбежать на обледеневший проспект Ленина

под секущую поземку — стереть себя из этого промерзшего города, зажатого между заводскими трубами и ледовыми аренами. Сбежать из мира, где человек, знавший каждый твой шрам, каждую родинку и привычку, может вот так запросто стряхнуть тебя, как спам-уведомление с экрана, положить купюру на салфетку и уйти в метель.

Было не просто больно. Грудную клетку словно сдавило бетонной плитой, перекрыв доступ кислорода.

Но хуже всего было осознание того, что ждет ее в ближайший час.

Придется вызвать такси. Подняться на лифте в чужую квартиру с дизайнерским ремонтом, судорожно побросать вещи в дорожные сумки и ехать через весь город к родителям. Обратно в детскую, из которой она с таким восторгом уезжала три года назад. Придется встретить сочувствующий, испуганный взгляд мамы, которая молча протянет ей кружку с ромашковым чаем и будет бояться заговорить.

— Хватит, — выдохнула Арина в пустоту остывающей кофейни. Голос сорвался, но прозвучал упрямо.

В висках пульсировала боль, но она заставила себя расправить плечи. Пальцы вцепились в холодный пластик — жестко, без малейшего намека на дрожь.

Если ее вычеркнули из чужой красивой жизни, она нарисует свою.

— Возьми себя в руки. Ну же, Ариша, возьми себя в руки… Пожалуйста.

У нее больше не было отношений. Не было своего угла на эту ночь. Но оставались руки, планшет и четыре дня до дедлайна, чтобы доказать, что ее мир стоит гораздо больше, чем просто картинки.

Арина расплатилась у стойки, так и не притронувшись к остывшему латте, толкнула стеклянную дверь и вышла на улицу.

Ветер на проспекте Ленина словно только и ждал момента, чтобы сорвать капюшон. Снег летел горизонтально, ледяной дробью врезаясь в пылающие щеки. Говорят, мороз отрезвляет, но сейчас уральский воздух просто обжигал легкие. Арина шла вперед, опустив голову, в надежде, что эта метель выморозит из груди глухую, давящую тяжесть.

Ее хватило ровно на два квартала.

Когда пальцы в перчатках окончательно онемели, а слезы застыли на ресницах мелкими колючими льдинками, она остановилась под фонарем, стянула перчатку зубами и вызвала такси. Времени оставалось в обрез: Вадим любил четкость, и одна мысль о том, что он вернется раньше и застанет ее посреди коридора с чемоданами, вызывала тошноту. Снова ловить на себе снисходительный взгляд уставшего ментора — нет, только не это.

Такси доехало за десять минут. В холле нового жилого комплекса было жарко натоплено, пахло свежей штукатуркой и мятным чаем от консьержа.

— Здравствуй, Ариночка! — раздался из-за стеклянной

перегородки знакомый дребезжащий голос.

Наталья Ивановна отложила журнал со сканвордами и приветливо улыбнулась. Она искренне любила эту девочку. В доме, где большинство жильцов цедили сквозь зубы дежурное «здрасьте», спеша на парковку, Арина всегда придерживала дверь, улыбалась и помнила, как зовут внука консьержа. Наталье Ивановне в ней нравилось все: и шапка каштановых непослушных кудрей, вечно выбивавшихся наружу, и огромные прозрачно-карие глаза, и бесформенные кофты, в которых Ариша казалась совсем хрупкой тростинкой.

Но стоило старушке вглядеться в лицо девушки, как улыбка мгновенно сползла с ее лица.

— Ариша?.. Ты чего белая как полотно? Что-то случилось?

Арина замерла у турникета. Всю дорогу она отчаянно пыталась сдерживать эмоции, но от простой человеческой теплоты внутри с грохотом рухнула последняя дамба. На глазах заблестели слезы.

— Я сегодня съезжаю, — тихо, одними губами произнесла она. — Здравствуйте, Наталья Ивановна.

Консьержка все поняла без лишних объяснений. Ее лицо посуровело, брови сошлись на переносице.

— Ах, этот павлин наглаженный?! — выпалила она, выбегая из своей каморки и всплескивая руками. — Знало мое сердце, не нравился он мне! Ходит, нос к потолку задирает, на людей смотрит, как на грязь! Ариночка, хорошая моя…

Слово «павлин» прозвучало так яростно и точно, с такой искренней женской солидарностью, что Арина не выдержала. Она всхлипнула и закрыла лицо ладонями. Слезы потекли по щекам — злые, жгучие, накопившиеся за месяцы молчаливого проглатывания чужих замечаний.

Наталья Ивановна шагнула вперед, не боясь испачкать кардиган о мокрый пуховик, и крепко, по-матерински, обняла ее. От нее пахло шерстяным платком, лавандовым мылом и домашней выпечкой — запахами нормального дома, которых никогда не было в стерильной квартире Вадима.

— Ничего, ничего, моя девочка… — приговаривала она, мерно поглаживая Арину по вздрагивающей спине. — Поплачь, вся эта дурь выйдет наружу. Жизнь только начинается! Найдешь еще человека — настоящего, живого, с душой, а не этот ходячий калькулятор в галстуке.

— Спасибо… — Арина шумно втянула носом воздух, вытирая мокрые щеки краем шарфа. — Спасибо вам. Я быстро соберусь. Только самое необходимое.

— Ступай, родная. Если надо будет помочь донести сумки — только бровью поведи, я вызову охрану.

Пока кабина лифта бесшумно поднималась на десятый этаж, снизу все еще доносилось приглушенное ворчание Натальи Ивановны, от души осыпавшей Вадима отборными эпитетами.

Щелкнула дверь. В квартире царила безупречная, мертвая тишина.

Пахло интерьерным диффузором с ароматом дорогого трубочного табака и темного дуба. Ни единой крошки на кухонном островке, ни одной лишней складки на темно-сером пледе. Ни малейшего следа того, что здесь три года жила девушка.

Арина вытащила из кладовки дорожную сумку и старый спортивный баул. Сбор вещей превратился в быструю и напряженную механическую работу. Она сгребла с полок свои вещи, маркеры, бережно упаковала графический монитор в плотный защитный чехол. Ее яркие вещи никогда по-настоящему не вписывались в интерьер: среди холодного глянцевого убранства Вадим воспринимал их как досадный визуальный мусор.

Сложнее всего оказалось зайти в спальню.

На комоде стояли три простые рамки. Не отретушированные студийные кадры последних месяцев, а старые снимки, распечатанные еще на дешевой матовой бумаге. Выпускной в школе, где Вадим в нелепом широком пиджаке с чужого плеча неловко прижимает ее к себе. Поездка на Банное озеро четыре года назад: они оба обгорели до малинового цвета, растрепанные, хохочут прямо в объектив. И первый вечер в этих стенах, когда среди коробок они сидели на голом полу и жадно делили остывшую пиццу.

Семь лет жизни. Эпоха, в которой он держал ее за замерзшие пальцы и обещал, что они всегда будут одной командой.

Слезы снова навернулись на глаза, крупные капли сорва-

лись и тихо ударились о стекло.

Арина тяжело дышала, вытирая слезы рукавом. Пальцы вцепились в картонные задники. Без жалости, не давая себе права на слабость, она резко выдернула фотографии одну за другой и спрятала на самое дно рюкзака.

Рамки остались стоять на полированном дереве. Абсолютно пустые, со светлыми серыми подложками. Хотел идеальной стерильности без лишних воспоминаний — получил.

Ремни сумок тяжестью врезались в плечи. Арина взялась за ручку, на секунду обернулась и в последний раз окинула взглядом чужой образцовый склеп.

Замок захлопнулся. Металлический щелчок ровно и без наркоза отсек от нее прежнюю жизнь.

Внизу она молча подошла к стойке. Обняла Наталью Ивановну крепко.

— Держись, девочка моя, — прошептала консьержка, гладя ее по голове.

Арина не ответила — боялась вновь сорваться. Она лишь кивнула, положила связку ключей на край стойки, поудобнее перехватила сумку и толкнула входную дверь.

В лицо снова ударил уральский мороз — колючий, злой, выдувающий из головы последние связные мысли. Впереди был родительский дом, бессонная ночь, горящие сроки конкурса для ярославской «Стрелы» и пугающая пустота, которую теперь придется учиться заполнять заново.

***

Железная дверь подъезда захлопнулась, заглушив вой метели.

Здесь, на лестничной клетке третьего этажа, пахло шерстяными варежками, сохнущими на чугунной батарее, жареным луком и чем-то неуловимо родным — запахом, который въелся в кожу с самого детства и который не перебить никаким дорогим табаком и дубом.

Арина нажала на кнопку звонка. Знакомая хриплая трель отозвалась щемящей вибрацией прямо под ребрами.

Замок щелкнул. Дверь распахнулась, и на пороге застыла мама — в ситцевом домашнем фартуке, с наспех заколотыми волосами и кухонным полотенцем в руках. Ее взгляд метнулся к тяжелым дорожным сумкам у ног, поднялся к бледному, обветренному лицу Арины, на котором мороз еще не успел высушить следы слез, — и мгновенно потеплел.

Ни единого вопроса. Ни растерянных охов, ни дежурного «что случилось?».

Мама просто переступила порог и молча сгребла дочь в охапку. Из-за ее ног вывернулся рыжий Барсик, обнюхал сумки, потерся о голенище сапога и уселся рядом, задрав хвост.

Здесь не нужно было держать осанку, притворяться взрослой или доказывать свою состоятельность. Здесь ее любили безусловно — не за карьерные успехи и не за статус, а просто за то, что она есть.

Ей повезло с семьей. Любой ее кривой детский набросок

мама с гордостью вешала на холодильник, как полотно из Третьяковки. Любой крошечный успех праздновался как победа на Олимпиаде. Именно родители когда-то вложили ей в руку первую кисть и научили не бояться белого листа.

Дикий, ослепительный контраст с Вадимом.

Пока мама нежно гладила ее по влажным от растаявшего снега волосам, в висках пульсировала одна и та же невыносимая мысль: как? Как человек, который когда-то ждал ее под окнами в тридцатиградусный мороз и бережно носил ее тяжелые папки с красками, превратился в надменного чужака? Когда именно он начал стыдиться ее живости, громкого смеха, ярких свитшотов и худи? Словно она была для него не любимой девушкой, а витринным аксессуаром, который просто вышел из моды перед новым сезоном.

Хватит.

Арина судорожно выдохнула, уткнулась лбом в теплое мамино плечо и впервые за этот бесконечный вечер позволила себе полностью опустить щиты.

Глава 2

Прошло две недели. Четырнадцать дней долгих терапевтических бесед с мамой на тесной кухне, бессонных ночей за планшетом и спасительного троллинга от младшего брата.

— Ариша, если ты и дальше собираешься косплеить брошенную девушку, я сдам твою комнату друзьям, — Макс бесцеремонно стянул с нее одеяло, прислонившись широким плечом к дверному косяку. — Серьезно! Твой бывший — придурок со справкой. Пора возвращаться в мир живых.

Арина запустила в него подушкой, но Макс был прав. Она выжила.

А потом пришло письмо.

Короткий сигнал почтового клиента разорвал утреннюю тишину. Арина открыла уведомление. Сердце гулко стучало. «Шорт-лист. Ваш концепт предварительно одобрен».

Текст расплывался перед глазами, но суть была предельно ясна: для окончательного утверждения макета клуб требовал ее личного присутствия на закрытой утренней раскатке. Ей предстояло защитить проект перед начальником по экипировке.

Звезды сошлись с пугающей точностью: именно сегодня ярославская «Стрела» приехала в ее родной Магнитогорск на принципиальную и жесткую выездную серию против местного магнитогорского «Булата».

Спустя три часа Арина стояла в служебной зоне домашней арены.

После уютной маминой квартиры этот мир казался чужой, враждебной планетой. Здесь пахло жженой резиной, сыростью, изолентой и застывшим адреналином. Тяжелый гул эхом отражался от бетонных сводов. Арина чувствовала себя совсем крошечной.

Она подошла вплотную к оградительному стеклу, сжимая в руках планшет.

На льду шла раскатка. Это не имело ничего общего с изящным катанием: скорости, резкие развороты, короткие рывки. Лезвия с хрустом рассекали лед, клюшки с пушечным треском впечатывали шайбу в борта.

Арина прижала стилус к экрану, пытаясь быстро набросать изображение игрока в тренировочном джерси.

Она не успела.

Пронзительный свисток тренера разорвал тишину. Фигура в черном шлеме на сумасшедшей скорости рванула к борту, уходя от защитника на выходе один в один, и с грохотом затормозила прямо перед Ариной.

От мощного удара о стекло она отшатнулась. Из-под лезвий коньков взметнулся фонтан ледяной крошки. Арина инстинктивно вздрогнула и выронила стилус. Он покатился по прорезиненному полу.

Она медленно подняла взгляд.

По ту сторону толстого стекла, напряженно дыша, стоял

он. На груди джерси белел номер — 19.

Игрок стянул шлем, одним резким движением отбросив назад влажные вьющиеся темные волосы. И посмотрел прямо на нее.

Никакой отточенной офисной вежливости. Никакого лоска. Только бешеная мужская энергетика, от которой Арине стало не по себе. В его светлых, обжигающе холодных глазах не было того снисхождения, с которым на нее всегда смотрел Вадим. В них сквозило жесткое, почти дикое любопытство.

Он молча разглядывал ее: копну непослушных кудряшек, выбивающихся из-под капюшона, бледное лицо, испуганно прижатый к груди планшет.

Глеб Северов.

До этой встречи Арина знала его только по фотографиям. Но прямо сейчас этот парень смотрел на нее так, словно она была не случайной девчонкой у бортика, а его главной нерешенной проблемой на этой тренировке.

— Северов! На бросковую! — раскатистый рык тренера хлестнул по арене громче любой сирены.

Взгляд девятнадцатого номера дрогнул, но не опустился. Глеб еще долю секунды смотрел на Арину сквозь мутное защитное стекло, словно пытаясь понять, кто вообще пустил девчонку в безразмерном худи к гостевому бортику, затем резко развернулся на пятках коньков и врезался обратно в гущу раскатки. Снова визг лезвий, треск клюшек и стук шайбы о борт.

Арина перевела дух только сейчас. От волнения ноги казались ватными.

Она опустилась на корточки, подобрала с резинового покрытия укатившийся стилус и сунула его в глубокий карман. Пальцы мелко подрагивали от выброса адреналина.

— Арина? Смирнова? — сзади послышался быстрый перестук кроссовок и звонкий голос.

К ней почти бежала невысокая девушка в расстегнутой клубной парке «Стрелы». Светлые волосы схвачены небрежным узлом, на шее болтался бейдж «Администратор», в руках — телефон со стабилизатором и планшет с таймингом.

— Я Полина, — выдохнула она, на ходу протягивая руку в шерстяной митенке. — Извини, что заставила ждать! Местная служба безопасности душу вытрясла, пока выписывала пропуск в чистую зону. Ты как, живая? Стоишь бледная, будто шайбу в лоб поймала.

— Живая, — выдохнула Арина, нервно поправляя капюшон. — Привет! Просто… у самого льда все совсем по-другому.

Она знала эту арену как свои пять пальцев. С семи лет отец таскал ее сюда каждые выходные — а позже к ним примкнул подросший Макс: у них были бессменные абонементы в восьмой сектор. Арина с закрытыми глазами могла нарисовать схему трибун, помнила запах попкорна в фойе и победный вой сирены «Булата». Но одно дело — сидеть на четырнадцатом ряду в безопасности с картонным стаканчи-

ком чая, и совсем другое — стоять в полуметре от несущейся вдоль борта живой глыбы из мышц.

— А-а, так ты из местных болельщиц? — с понимающей усмешкой подхватила Полина, увлекая ее за собой по служебному коридору. — Тогда вдвойне держись: для наших парней здесь сегодня не просто матч, а настоящая мясорубка за лидерство в таблице. Короче, план такой: клубное руководство поставило жесткий дедлайн по утверждению альтернативной формы, приуроченной к юбилею клуба. Раз уж наш выездной тур в Магнитогорске, маркетинг решил не гонять тебя в Ярославль, а сделать все прямо в поле. И это не просто юбилейный разовый комплект: лига дала клубу спецразрешение, и весь плей-офф, включая финал, команда проведет в этой линейке. Покажем концепт Павлу Сергеевичу.

— Главному по форме?

— Ага. Павел Сергеевич — наш начальник экипировки, проехал с клубом больше двадцати сезонов. Мужик суровый, спал три часа после ночного чартера и на дух не переносит дизайнеров. Но если он подпишет техническое заключение — контракт на тираж твой. Если забракует — проект пойдет под нож прямо сегодня.

Они нырнули в гостевой отсек «Арены-Магнитогорск».

Раздевалка пахла разогревающей мазью с резкой камфорой и тяжелым духом влажной экипировки. В проходе выстроились массивные черные транспортировочные кофры с набитыми белой краской через трафарет надписями: «ХК

Стрела Ярославль. Экипировка. Trunks 01–06».

В подсобной комнатке, выделенной гостевой команде под инвентарь, кипела работа. На раскладном столике тихо повизгивал портативный станок для заточки, установленный прямо в ударопрочном кейсе.

Коренастый мужчина лет пятидесяти пяти в темном поло с ярославским логотипом и закатанными рукавами проверял клюшки и наблюдал за работой сервисмена, ловко снимающего заусенцы с лезвия точильным бруском.

— Павел Сергеевич, на три минуты! — звонко зашла с порога Полина, втискиваясь между ящиком с изолентой и связкой клюшек. — Привела финалистку по альтернативному мерчу и форме. Арина, дизайнер.

Павел Сергеевич бросил на Арину серьезный, налитый свинцом взгляд из-под кустистых седеющих бровей.

— Полина, ты в своем уме? — пророкотал он, вытирая руки замасленной ветошью. — У меня через пять часов игра с «Булатом». Четыре шлема перебрать надо, проверить всю форму. А ты мне столичную моду в чужую раздевалку тащишь?

— Она не из столицы. Она местная. И проект лучший из сотни заявок, — мягко, но настойчиво осадила его Полина.

— Мне без разницы, откуда она, — отрезал экипировщик, глядя на Арину как на досадную помеху. — Вы, художники, малюете картинки для соцсетей, а потом парню в игре руку поднять не дают, потому что шов в подмышку врезает-

ся. Или номер на спине видно только в упор, а на повторе не разобрать, кто подправил шайбу на пятаке. Джерси — это броня и рабочий инструмент, ясно?

Внутри у Арины на секунду кольнуло эхо прошлых обид: сколько раз Вадим бросал через плечо свое фирменное «ты со своими картинками жизни не нюхала».

Но здесь был профессионал, отвечающий за безопасность своей команды. И с ним нужно было говорить фактами.

Арина шагнула вперед, уверенно положила графический планшет прямо на свободный угол верстака рядом с мотками армированного скотча. Экран вспыхнул технологической раскладкой.

— Никакой «моды», Павел Сергеевич, — невозмутимо ответила Арина, поворачивая планшет к нему. — Посмотрите на плечевой узел. Реглан скроен с запасом под чашки панциря. По плечу вшита плотная полиэфирная киперная тесьма — сколько панцирь ни тяни, горловина не сползет на кадык при щелчке. Под лопатками и на ребрах — сквозная лазерная перфорация.

Экипировщик нахмурился, вглядываясь в разрез:

— А локти? Борт дерет синтетику как терка. Первое же падение — и твоя перфорация поползет петлями.

— На локтях не сетка, а усиленный интерлок, — Арина уверенно ткнула стилусом в разрез рукава. — Выдерживает трение о пластик на скорости за сорок километров в час. А внутренний шов закрыт плоской бейкой, чтобы нитки не

срезало об острые края налокотников изнутри.

В подсобке повисла тишина. Слышно было только, как за стеной с шумом льется вода в душевых и гудят голоса вернувшихся со льда игроков.

Павел Сергеевич медленно протянул широкую ладонь, взял стилус прямо из пальцев Арины и сам прокрутил раскладку. Приблизил ворот. Проверил усилители на груди под капитанскую литеру.

— Бейкой, значит… — протянул он, и в жестком голосе впервые прорезались уважительные нотки матерого ремесленника. Он поднял глаза на девушку. — Сама регламент ГХЛ штудировала?

— Сама. До последнего пункта по безопасности экипировки.

— Надо же. — Павел Сергеевич усмехнулся в усы и положил стилус обратно на стекло. — Хоть у кого-то из молодежи руки из правильного места растут. Рукав правильный. Если фабрика отошьет по этим стандартам — пацаны на льду даже не почувствуют, что форма новая. А для формы это лучшая похвала.

Дверь подсобки резко распахнулась, с грохотом ударившись о резиновый отбойник.

В комнату ворвался запах разгоряченного тела, морозного пара, влажной ткани и концентрированной мужской усталости.

— Павел Сергеевич, нужно заменить левое лезвие, на си-

ней линии закусило, — хриплый, сбитый после нагрузок бас заставил воздух в помещении стать плотнее.

На пороге замер Глеб Северов.

Черное тренировочное джерси с крупным белым номером 19 на груди промокло от пота, влажные темные кудри прилипли ко лбу и вискам, на шее пульсировала вздувшаяся жилка. В опущенной руке он небрежно держал за стакан снятый конек.

Его стальные, пронзительно-цепкие глаза скользнули по Полине, зацепили экран планшета и моментально намертво зафиксировались на лице Арины.

Брови нападающего медленно поползли вверх.

— Это еще кто? — Глеб оперся широким плечом о дверной косяк, не сводя с нее давящего взгляда. — Сергеевич, ты теперь в раздевалку перед матчем болельщиц водишь? Автографы не раздаю, кудрявая.

— Язык придержи, Северов, — не оборачиваясь, осадил его Сергеевич. — Человек нам форму спроектировал.

Глеб медленно перевел взгляд на планшет, где застыл эскиз джерси с его собственным девятнадцатым номером на спине, а затем снова посмотрел на Арину — сверху вниз, насмешливо и с неприкрытым вызовом:

— Форму, значит? — Уголок его рта дернулся в кривой усмешке. — Надеюсь, ты в курсе, художница: мы в ней не на подиум выходим. Мы в ней будем рубиться кость в кость все шестьдесят минут.

— Будут рубиться, — проворчал Павел Сергеевич, не отрываясь от станка. — Ты бы сегодня в створ попал, снайпер. А то на раскатке обе штанги отстучал.

Глеб даже бровью не повел на шпильку в свой адрес. Он не сводил взгляда с Арины. В тесном пространстве гостевой подсобки его присутствие ощущалось физически: слишком высокий, слишком широкий в плечах, заполняющий собой весь воздух. От мокрой ткани его джерси пахло талым льдом, ментоловым пластырем.

— Короче, Полинка. Передай в Ярославль: от меня добро. Эскизы грамотные, лекала должны встать под защиту идеально, за усиленные локти отдельное человеческое спасибо. Нужно запустить тестовый пошив. Девчонка дело знает. А там видно будет.

У Арины внутри будто оборвалась туго натянутая струна. Одобрил. Настоящий, въедливый технарь принял ее работу. Месяцы сомнений, ядовитые насмешки Вадима и бессонные ночи — все это только что разбилось о простое «дело знает».

— Есть! — Полина победно сжала кулак и сияющими глазами посмотрела на Арину. — Слышала? Это победа! Договор и акт согласования юристы скинут тебе на почту сегодня же. Слушай, а на вечерний матч у тебя билет есть? Я могу выписать гостевую проходку от клуба прямо за нашу скамейку!

— Девятнадцатый номер, значит, — перебил ее Глеб.

Хоккеист лениво шагнул вперед, сокращая разделявшее

их расстояние до опасного минимума.

Глеб смотрел в упор — цепко, с неприкрытой чертовщинкой.

— Специально девятнадцатый на макет натянула? — Глеб оперся ладонью о верстак рядом с ее планшетом, нависая над ним. — Думала, растаю?

— Девятнадцатый выбран исключительно из соображений геометрии, Северов, — Арина даже не моргнула, глядя ему прямо в переносицу. — Единица и девятка дают идеальный баланс по вертикали. Чистая композиция. Меньше эгоизма, девятнадцатый.

Глеб коротко, искренне усмехнулся — глухой смешок вибрировал где-то в глубине его широкой грудной клетки. Ответ его явно позабавил. Девчонка не стушевалась, не покраснела и не опустила ресницы, как делало большинство фанаток у служебного выхода.

— Ну надо же, «композиция», — протянул он, скользя взглядом по ее каштановым завиткам и хрупким ключицам, скрытым под безразмерным серым трикотажем. — Ладно, художница. Считай, что ты меня зацепила. Раз уж одела меня на плей-офф, сделаю тебе царский подарок. Полина выпишет тебе пропуск на первый ряд. Приходи вечером. Посмотришь вблизи, как я играю. А после сирены, если будешь хорошо хлопать, подарю тебе свое игровое джерси с плеча. С автографом. Заодно примеришь правильные командные цвета вместо этого своего серого балахона.

Полина за спиной хоккеиста выразительно закатила глаза, беззвучно шевеля губами: «Не обращай внимания, у него корона потолок царапает».

Арина выдержала паузу. В ее карих глазах вспыхнули лукавые, озорные искры. Она сделала полшага навстречу, сократив разделявшие их сантиметры так, что почти коснулась плечом его мокрого рукава.

— Очень щедрое предложение, Северов, — произнесла она мягко, почти сочувственно. — Но у меня встречное предложение. На матч я обязательно приду. Только не за вашу скамейку, а на свое законное место в восьмом секторе трибуны «А».

Глеб чуть сощурился, явно не ожидая такого поворота:

— В восьмой?

— В восьмой, — невозмутимо подтвердила Арина, забирая планшет со стола и пряча стилус в карман. — Я хожу на эту арену с семи лет. И болеть сегодня буду за магнитогорский «Булат». Так что твое джерси мне ни к чему.

На лице Глеба на долю секунды мелькнуло искреннее изумление, сменившееся азартной улыбкой нападающего, нашедшего достойного соперника на пятаке.

— Предательница, значит? — протянул он с вызовом, скрестив руки на груди. — Нарисовала форму врагам, а болеть будешь за своих?

— Бизнес есть бизнес, девятнадцатый номер, — Арина посмотрела Глебу в глаза и одарила его ослепительной, уве-

ренной улыбкой, от которой у нее самой сладко защемило сердце. — А твою фамилию на табло я сегодня обязательно увижу. В графе двухминутных штрафов, когда наши защитники снова аккуратно впечатают тебя в борт за грубость.

В подсобке повисла звенящая пауза.

Сергеевич в углу не выдержал и крякнул от смеха, прикрыв рот ладонью. Полина закусила губу, стараясь не заржать в голос.

Глеб медленно подался вперед. Его взгляд, обжигающий и ледяной одновременно, прошил Арину насквозь. Но в нем больше не было снисхождения — только чистое, стихийное пламя начавшейся дуэли.

— Запомни свои слова, дерзкая, — негромко, почти интимно бросил он, и в его голосе зазвенела натянутая сталь. — Смотри на лед очень внимательно. Каждую шайбу сегодня я заброшу лично для тебя. И после матча мы вернемся к этому разговору.

— Ловлю на слове, девятнадцатый. Посмотрим, чье табло в итоге покажет правду, — Арина не отвела взгляда ни на миллиметр. Напротив, ее губы тронула легкая, невозмутимая улыбка победительницы.

Она не стала дожидаться его ответа. Сделав шаг назад, она аккуратно убрала планшет в защитный чехол рюкзака, застегнула молнию и повернулась к Сергеевичу.

— Павел Сергеевич, спасибо огромное за время и профессиональный взгляд, — тон Арины моментально сменил-

ся на уважительный и деловой.

Сергеевич, все еще пряча усмешку в седеющие усы, коротко кивнул и протянул ей широкую ладонь в темных мозолях:

— Давай, девочка. Голова у тебя варит как надо. Ты обращайся, я всегда подскажу.

— Договорились, — Арина крепко пожала его руку.

Затем она перевела взгляд на Полину, которая едва сдерживала торжествующий писк:

— Полина, я на связи в мессенджере. Скидывай договор, как юристы дадут отмашку.

— Все сделаем в лучшем виде! — подмигнула та, сияя во все тридцать два зуба и демонстративно игнорируя насупленного Северова. — Ты просто космос, Арина! До вечера!

Арина накинула лямку рюкзака на плечо и наконец снова посмотрела на Глеба. Скрестив мощные руки на груди, он прожигал ее тем самым невыносимым взглядом, от которого по воздуху между ними едва не летели искры.

— Удачи на льду, Северов, — негромко, с легкой озорной интонацией бросила она, поправляя капюшон. — Постарайся хотя бы не разбить нос в первом периоде. Нашим защитникам еще победу праздновать.

Не дожидаясь его реакции, Арина плавно обогнула широкое плечо хоккеиста — так близко, что на долю секунды уловила терпкое тепло его кожи, — и толкнула дверь подсобки.

— До вечера, деловая, — донесся ей в спину низкий, виб-

рирующий бас, в котором звенела неприкрытая угроза пополам с азартом. — Восьмой сектор, я запомнил.

Только оказавшись в пустынном служебном коридоре «Арены-Магнитогорск», Арина позволила себе остановиться и опереться спиной о холодную крашеную стену.

Сердце выпрыгивало, как сумасшедшее. Пальцы покалывало, и ладони вспотели.

Она сделала это.

Она защитила свой проект перед старейшим технарем лиги, взяла одобрение без единого замечания и не спасовала перед звездой ГХЛ. Впервые за последние две недели болезненный ком в груди, оставленный Вадимом, отступил.

Ее не сломали. Ее труд признали лучшим.

Арина выпрямила спину, вздернула подбородок и уверенным, легким шагом направилась к выходу на морозную улицу.

Впереди был вечер, трибуна родного восьмого сектора и игра, которая обещала стать куда жарче, чем просто хоккейный матч.

Глава 3

Гул семитысячной «Арены-Магнитогорск» вибрировал в подошвах задолго до стартового свистка. Под сводами дворца клубился холодный туман, пахло горячим кофе, сладким попкорном и тем неповторимым предвкушением драки, которое бывает только на играх двух непримиримых грандов.

Восьмой сектор бурлил. Отец Арины, плотно завязав на шее выцветший фартовый шарф «Булата», уже яростно спорил с соседями по ряду о стартовой пятерке. Мама сжимала бумажный стаканчик с облепиховым чаем, с улыбкой поглядывая на мужа, а Макс методично закидывал в рот карамельный попкорн, периодически пихая сестру локтем.

— Систер, если ты будешь так напряженно буравить гостевую скамейку, у них краска на шлемах облезет, — хмыкнул брат. — Ты за кого сегодня, напомни? У тебя на шее наш «булатовский» мерч, а взгляд такой, будто ты засланный ярославский шпион.

— Ешь молча, Макс, — буркнула Арина.

Она поправила клубный шарф «Булата», но сердце билось не в такт фанатскому барабану.

Свет на трибунах погас. Медиакуб под потолком взорвался ослепительными вспышками графики, прожекторы разрезали темноту кроваво-красными и стальными лучами, на лед выкатилась домашняя команда. Арена взревела так, что

заложило уши. Следом, под нарастающий и слаженный гул недовольства трибун, из подтрибунного тоннеля скользнули белые с красным джерси «Стрелы».

Девятнадцатый номер катился последним.

Глеб не суетился. Он сделал широкий вираж у синей линии, легко переложил клюшку в одну руку и, затормозив у круга вбрасывания, медленно поднял голову.

Арина сидела на четырнадцатом ряду — идеальный обзор, прямо по центру зоны атаки. Когда Северов оглядел трибуны, воздух вокруг нее словно наэлектризовался. Он искал именно ее. Его взгляд на секунду задержался на баннерах, скользнул выше и… замер.

Он нашел ее.

Даже сквозь защитную сетку и расстояние Арина почувствовала этот удар. Глеб на мгновение опустил клюшку на лед, усмехнулся углом рта, увидев на ней фанатские цвета хозяев, и едва заметно, кончиком крюка, указал прямо на ее сектор.

«Смотри внимательно, художница».

Матч начался без разведки. С первой же секунды лед превратился в кипящий котел. Скорости были бешеными. «Булат» взвинчивал темп, крутя фирменные уральские кружева в чужой зоне, но Ярославль стоял бетонной стеной. Ярославцы встречали жестко, на грани фола, впечатывая магнитогорцев в борта с оглушительным пластиковым грохотом.

На восьмой минуте трибуны взвыли: магнитогорцы кра-

сиво раскатали лишнего в большинстве — щелчок от синей линии, рикошет, и шайба затрепыхалась в сетке гостей!

— Го-о-ол! — взревел отец, вскакивая с места и победно потрясая кулаками. Макс орал рядом, заглушая сирену, а Арина аплодировала, чувствуя, как дух захватывает от гордости за родной город.

Но ликование длилось недолго.

Во втором периоде на площадке началось сольное шоу девятнадцатого номера. Северов играл зло, нагло и с пугающей эффективностью. Он не просто катался — он вспарывал оборону хозяев каждым своим ускорением. Арина, как дизайнер, против воли ловила себя на мысли, как точно работают линии его тела: мощный корпус, безупречная посадка, ни одного лишнего движения.

Глеб подхватил шайбу в средней зоне, на сумасшедшем вираже ушел от силового приема магнитогорского защитника, ворвался на пятак и резким, кистевым броском под перекладину вогнал снаряд в девятку.

Один — один.

Арена разочарованно выдохнула. Глеб, скользя на одном коньке к скамейке запасных, снова вскинул голову к четырнадцатому ряду восьмого сектора. Никаких жестов. Только прямой, дерзкий взгляд, в котором читалось: «Это первая».

Во втором периоде забил «Булат».

Два — один.

Темп нарастал. «Стрела» пошла напролом и сравняла

счет.

Два — два.

К середине третьего периода гости переломили игру окончательно. Северов подкараулил отскок на штанге и буквально протолкнул шайбу под щитком вратаря.

Два — три.

Магнитогорск не сдавался. Трибуны гнали команду вперед, заглушая свистки судей бешеным: «Вперед, „Булат“! Нужна шайба!». Отец сорвал голос, требуя броска, Макс вцепился в спинку переднего кресла.

Тренер «Булата» пошел ва-банк, сняв вратаря за минуту до сирены. На льду началась настоящая бойня вшестером против пятерых. Шайба металась по пятаку «Стрелы», защитники гостей ложились под броски телами, блокируя удары коленями и шлемами.

И тут Северов перехватил неточную передачу.

Один шаг, резкий замах — и шайба парашютом через всю площадку мягко опустилась в пустые ворота хозяев.

Финальная сирена утонула в гнетущем вздохе семи тысяч человек.

Два — четыре.

Табло зафиксировало окончательный счет.

Арина сидела, сжимая край своего худи. Ее команда проиграла. Обидно, горько, до спазма в горле — она помнила это детское щемящее чувство после каждого неудачного матча.

Но в следующую секунду произошло то, за что она любила этот город больше всего на свете.

Никто не побежал к выходам. Ни единого свиста или оскорбления не полетело в адрес проигравших. Сначала один сектор, затем второй, а через секунду уже вся арена синхронно поднялась на ноги. Тысячи шарфов взмыли над головами.

— Впе-ред, «Булат»! Мы с то-бой! — грянула вся арена.

Люди ритмично хлопали в ладоши, поддерживая своих парней, отдавших все силы на льду. Хоккеисты «Булата», опустив головы, подъехали к центру площадки и синхронно подняли клюшки к сводам, благодаря трибуны за преданность. Это было мощное, сокрушительное единство стального города, который умеет держать удар.

Отец шумно выдохнул, потрепал Арину по плечу и впервые за вечер слабо улыбнулся:

— Ничего, дочка. Играли достойно. В плей-офф мы их достанем.

Арина кивнула, глядя вниз.

Игроки «Стрелы» уже собирались вокруг своего вратаря, празднуя важную выездную победу. Северов, стянув перчатку, смахнул со лба пот и развернулся. Он стоял на чужом льду — взъерошенный, вымотанный, с горящими глазами триумфатора.

И снова его взгляд безошибочно нашел ее среди тысяч стоящих, аплодирующих людей.

Глеб не улыбался. Он просто смотрел на нее снизу вверх — сквозь гул трибун, сквозь поражение ее города и блеск софитов. Медленно, двумя пальцами он коснулся клубной эмблемы на груди, а затем указал в сторону подтрибунного тоннеля.

Этот матч закончился. Но их личный счет был открыт.

***

После матча ледовый дворец не пустеет по щелчку пальцев. Пока трибуны медленно стекались к выходам, в гостевом блоке кипела рутинная, расписанная по минутам работа. Пресс-служба согласовывала регламентные списки, хоккеисты проходили обязательную заминку на велотренажерах, сбрасывая закисление в мышцах, а в закрытой раздевалке шел разбор полетов.

Сообщение от Полины упало на экран, когда Арина уже провожала родителей к турникетам:

«Арина! Вице-президент клуба был на игре в гостевой ложе. Он подписал финальный акт и договор авторского заказа на капсулу прямо сейчас. Но у команды еще душ, лед на травмы и обязательная капитанская пресс-конференция. Это минимум час с четвертью. Отправляй своих по домам, спускайся в холл у выхода „Б“, на охране скажи номер со своего пропуска. Нам кровь из носу надо забрать живые подписи до выезда автобуса в аэропорт!»

Арина убрала телефон в карман и повернулась к отцу. Тот все еще с досадой щурился, глядя на пустеющий сектор, ком-

кая в руках клубный шарф.

— Пап, мам, езжайте без меня, — мягко сказала она. — Мне нужно подписать оригиналы документов по конкурсу. Вице-президент «Стрелы» утвердил эскизы, но у них жесткий тайминг перед вылетом. Это затянется минимум на час, пока капитан отстреляется перед журналистами и выйдет руководство. Не мерзните в пробке на парковке.

Отец нахмурился, вглядываясь в ее усталое, но непривычно собранное лицо:

— На такси деньги есть? До ночи здесь одна не броди.

— Все нормально, пап. Чистая бюрократия, — Арина поцеловала папу в прохладную щеку и ободряюще улыбнулась.

Макс с подозрением прищурился, стряхивая с куртки шелуху от попкорна:

— Смотри, систер. Не вздумай продать душу ярославцам. И держись подальше от их девятнадцатого номера — он сегодня чуть не сожрал наших защитников на пятаке. Злой, как черт.

— Я подпишу бумаги и сразу домой, — покачала головой Арина, хотя при одном воспоминании о номере 19 ее словно пронзило током.

Она спустилась по служебной лестнице на нижний уровень арены.

Внизу стояла та особенная гулкая тишина, которая наступает на спортивных объектах после битвы. На пустую площадку с ровным урчанием выкатился мощный заливочный

комбайн: широкий нож срезал изрезанную колеями ледяную кашу, а следом ложилась кипящая горячая вода, превращая растерзанную арену в темное безупречное зеркало.

Арина устроилась на металлической скамье у выхода из микст-зоны, в полупустом пресс-холле. На настенном мониторе шла трансляция.

В строгом клубном поло, с застегнутым под горло воротом, Глеб выглядел пугающе собранным. Лицо — чистый гранит, еще влажные волосы зачесаны назад, взгляд серых глаз устремлен прямо в объективы центральных спортивных каналов. На вопросы о тактике, о двух своих шайбах и голе в пустые ворота он отвечал сухо, чеканно, в идеальном командном протоколе. Настоящий капитан: холодный, неприступный, закрытый от любых праздных глаз наглухо, как банковский сейф.

Прошел час…

Тишину коридора нарушил торопливый стук каблуков: из административного крыла выбежала Полина, прижимая к груди пухлую синюю папку.

— Еле вырвалась! — выдохнула она, падая рядом на скамью и протягивая Арине прохладные, пахнущие свежей типографской краской листы. — Вице-президент лично визировал каждый пункт. Смотри: вот твоя подпись, вот синяя печать.

— А почему здесь приложение на три недели? — Арина нахмурилась, вчитываясь в мелкий шрифт. — И пункт 4.2…

«Обязательное очное присутствие на этапе тестового запуска капсулы… авторский надзор на фабрике»?

— Именно! — прошептала Полина, сверкая глазами. — Запуск будет на нашей сертифицированной фабрике прямо в Ярославле. Нам нужен автор рядом: следить за всем процессом. Контракт на три недели! Обычно отшив формы занимает много времени. Но из-за графика команды и сроков до начала плей-офф времени совсем мало. Клуб снимает тебе квартиру в центре Ярославля, берет на себя перелет и платит такой аванс по гонорару, какого ты за два года фриланса не собрала бы. Вылет — через три дня!

От счастья у нее перехватило дыхание. То, над чем насмехался Вадим, называя ее труд «бессмысленной мазней», только что превратилось в серьезный профессиональный контракт. Настоящий. С гербовой печатью одного из сильнейших клубов континента.

Пальцы слегка дрожали, когда она размашисто ставила подпись на титульном листе.

И в этот момент со стороны гостевой раздевалки послышались шаги.

В микст-зону вышла уставшая команда. Из служебного прохода доносился грохот колес: техники катили транспортировочные кофры. Репортеры за ограждением оживились, но первыми мимо них молча прошли защитники и тренерский штаб.

Северов шел замыкающим.

От него все еще исходила обжигающая волна раскаленного после игры тела. Вместо парадного клубного костюма на нем были темно-серые тренировочные джоггеры и плотная черная толстовка с закатанными до предплечий рукавами, открывавшими рельефные, испещренные венами руки. На левой скуле белела тонкая полоска пластыря, стягивавшая свежий порез. Он катил за собой огромный баул.

Корреспондент с микрофоном сделал шаг ему навстречу, надеясь вытянуть из него хоть пару фраз помимо протокольного брифинга, но Глеб даже не повернул головы.

Его глаза скользнули поверх голов журналистов и мгновенно, с пугающей точностью, остановились на Арине.

Северов резко сменил курс. Ни секунды не колеблясь, он шагнул в сторону Арины, полностью игнорируя направленные на него объективы.

В пресс-холле мгновенно воцарилась тишина. Журналисты переглянулись в немом изумлении: неприступный капитан «Стрелы», которого за четыре года в лиге ни разу не видели рядом с девушками у служебных входов, целенаправленно шел к незнакомой девчонке.

Арина поднялась на ноги. Она прижала папку к груди. Тело все напряглось.

Глеб остановился так близко, что между ними воздух словно нагрелся на десяток градусов.

На его опущенной левой руке висел сверток из ткани.

Это было не новое сувенирное джерси из клубного мага-

зина.

Это его боевое гостевое белое джерси с номером 19. На ткани на локтях виднелись черные въевшиеся полосы от чужих клюшек, на плече темнел круглый след от прилетевшей шайбы. От него еще веяло холодом уральских льдов и яростью выигранного матча.

— Значит, не сбежала, — он сказал это так интимно и тихо, будто вокруг не было десятка людей с аппаратурой.

— Я ждала документы, капитан, не тебя. — Арина показала папку. — И тебе не обязательно было задерживаться ради светских манер.

Уголок четко очерченных губ Глеба насмешливо дрогнул:

— Я всегда вовремя отдаю долги, Смирнова. Особенно когда ставлю на кон собственное имя.

Не давая ей отступить ни на сантиметр, Глеб шагнул вплотную и одним широким уверенным движением набросил джерси прямо ей на плечи — поверх объемного серого худи.

— Три шайбы, художница, — тихо, прямо у ее уха произнес Северов, наклонившись так низко, что прядь его влажных волос почти коснулась ее виска. По спине Арины пробежали мурашки. — Хет-трик. Каждая — для тебя и твоего упрямого восьмого сектора. Забирай свой трофей. На память.

Внутри у Арины все сжалось, она сжала край воротника и бросила на него насмешливый, не уступающий взгляд:

— Слишком много пафоса, Северов. Я не фанатка у автобуса. И если ты будешь так гордиться собой, я удлиню тебе рукава на десять сантиметров — чтобы мешали клюшку держать.

Глеб тихо, искренне усмехнулся, явно собираясь поставить точку в этой дуэли и направиться к выходу, но стоявшая в шаге от них Полина не выдержала и всплеснула руками:

— Северов, полегче на поворотах! Это наш ведущий разработчик! Арина вообще-то через три дня прилетает к нам в Ярославль — лично принимать раскрой и осуществлять авторский надзор на фабрике!

Глеб замер.

Его насмешливая ухмылка на долю секунды исчезла с лица. Широкие брови едва заметно дрогнули, а в глазах промелькнуло неподдельное изумление. Он медленно перевел взгляд с синей папки с договором в руках Арины на ее лицо.

Она не отвела глаз, хотя щеки против воли вспыхнули.

И в следующее мгновение изумление на лице капитана сменилось медленной, тягучей, абсолютно сокрушительной победной улыбкой.

Его плечи расправились. Вся его фигура мгновенно наполнилась концентрированным торжеством форварда, который только что понял: соперник сам, по собственной воле, зашел в его зону. Ловушка захлопнулась.

— Значит, в Ярославль?.. — протянул Глеб низким бархатным басом, и от этой новой собственнической интонации

у Арины пересохло во рту.

Он снова подался вперед, сокращая разделявшие их миллиметры, и медленно, с вызывающей небрежностью коснулся костяшкой пальца выбившегося из-под капюшона завитка волос у ее щеки:

— Значит, сама приедешь на «Арену Стрела».

Щелчок. Щелк-щелк-щелк!

Серия яростных, ослепительных вспышек фотокамер озарила полутемный пресс-холл.

Фотографы защелкали затворами, как безумные. Камера ГХЛ-ТВ сняла идеальный, кинематографичный крупный план: капитан «Стрелы», закрытый от всего мира Северов, склонился над незнакомой девушкой в его игровом джерси и открыто, дерзко коснулся ее волос у всех на глазах.

Полина среагировала мгновенно. Никакой растерянности — включился жесткий рефлекс «защитника». Она сделала шаг вперед, перекрыв плечом объектив наглого регионального репортера, и жестко бросила:

— Пресс-подход завершен. Съемка в подтрибунных помещениях строго по регламенту лиги. Фотографии на личную технику — через согласование пресс-атташе!

Ее пальцы уже с пулеметной скоростью строчили в рабочем чате медиаслужбы «Стрелы»: «Срочно. Северов отдал боевой свитер нашему дизайнеру прямо перед камерами ГХЛ-ТВ. Готовьте драфт официального релиза по победителю конкурса на мерч, иначе до утра нас зальют желтухой».

Но Глебу было абсолютно наплевать и на репортеров, и на надвигающийся информационный шторм. Он даже не моргнул от вспышек.

— Собирай вещи, кутюрье, — негромко, но так властно бросил он, что у нее задрожали колени. — Через три дня я лично встречу тебя в Ярославле. И не забудь про джерси. Теперь ты играешь за **нас**.

Он двинулся к выходу и, больше ни разу не оглянувшись на остолбеневших репортеров, пружинистым шагом направился к стеклянным дверям.

Тяжелые створки с шипением закрылись за его спиной, отсекая холодный ночной ветер.

Арина стояла посреди притихшего холла под аккомпанемент затихающих щелчков фотоаппаратов. В голове оглушительным эхом пульсировала одна-единственная мысль: встречи вновь не избежать.

***

В квартире стояла сонная, густая тишина. Отец тихо похрапывал в дальней спальне, на кухонном столе под салфеткой белела оставленная мамой тарелка с пирожками.

Стараясь не скрипеть половицами, Арина прокралась в свою комнату и прикрыла дверь. Щелкнула выключатель настольной лампы.

Только сейчас, в тишине знакомых с детства стен, ее накрыл запоздалый озноб. Она бережно повесила джерси на спинку рабочего стула.

Белая синтетика в полумраке комнаты выглядела чужеродно. Черные полосы от чужих клюшек поперек правого рукава, фамилия «СЕВЕРОВ» над гигантской цифрой 19. Броня капитана, оставленная посреди ее мирного пространства с графическим планшетом, эскизами акварелью и незаконченными книжными иллюстрациями.

«Через три дня я лично встречу тебя в Ярославле. И джерси не забудь. Ты теперь играешь за нас».

Его сорванный голос стоял в ушах так отчетливо, будто Глеб все еще возвышался над ней в коридоре арены, заслоняя спиной свет потолочных ламп.

Арина спрятала лицо в ладонях, сделала глубокий вдох, пытаясь унять бешеный ритм, и рухнула на кровать не раздеваясь. Усталость выключила ее мгновенно — глубоко, без сновидений, словно ударом в борт.

Глава 4

Чартер «Магнитогорск — Ярославль». Ночь после матча.

В салоне самолета было тихо. Команда уснула почти сразу после набора высоты. За иллюминаторами стояла холодная уральская тьма, внизу остался заснеженный Магнитогорск. Парни спали: кто-то натянул капюшон на самые глаза, кто-то пристроил мешок со льдом на разбитое колено. В соседнем ряду мерно посапывал лучший друг Антон.

Глеб не спал. Пульс после хет-трика еще не пришел в норму, но дело было не в забитых шайбах.

Северов опустил взгляд на свои руки. Медленно, ноготь за ногтем, он начал отдирать от костяшек пальцев жесткий армированный пластырь. Вместе с липкой лентой отходила запекшаяся кровь. На тыльной стороне правой кисти белел неровный трехсантиметровый шрам — косой след от чужого конька, полученный еще в юности. Палец привычно цеплялся за бугристую ткань зажившей кожи.

В проходе между рядами мягко скрипнули резиновые подошвы. Павел Сергеевич, несший в руках термосумку с гелевыми компрессами, притормозил возле его кресла. Старый экипировщик окинул взглядом сбитые кулаки капитана, хмыкнул в седые прокуренные усы и молча бросил ему на колени герметичный пакет с сухим льдом.

— Обложи кисть, Глеб. К утру сустав нальется — клюшку

не удержишь.

— Нормально, Сергеич. Целая.

— «Нормально», — передразнил старик, опираясь ладонью на багажную полку над головой. Голос звучал приглушенно, чтобы не разбудить спящих защитников. — Уже слышал. Твой покойный батя после выезда в Магнитку точно так же сидел. Два ребра трещат, колено размером с ведро, лицо синее, а он зубами скрежещет и цедит: «Нормально, Паша, потуже затяну эластичным, завтра третий период добегу». Такой же упрямый был.

Глеб криво усмехнулся, глядя в темный пластиковый иллюминатор:

— Батя свое отыграл.

— Отыграл, — сухо кивнул экипировщик. — Потому что в двадцать два года полез на открытый лед с поврежденным мениском. Думал, характер доказывает. А потом до пятидесяти лет гонял пацанов на открытой коробке ЧТЗ, опираясь на клюшку вместо палки. Я ведь сам оттуда, из Челябинска, в Ярославль уже после перебрался. Помню, как он тебя малым на арену вытащил. Минус двадцать пять на дворе, металл к пальцам липнет, а Иван Алексеевич черенком по бортам лупит: «Сопли подотри! Вставай или проваливай!». Вырастил робота.

Павел Сергеевич помолчал, глядя на напряженную челюсть Северова, и неловко, по-отечески похлопал его по здоровому плечу:

— Только ты не он, Глеб. Батя твой жил на чистой злобе. А тебе еще Кубок над головой поднимать. Спи давай, через два часа Туношна.

Старик развернулся и побрел в хвост самолета.

Глеб приложил холодный пакет к ноющим связкам кисти. Пальцы обожгло знакомым сухим холодом.

Отец не признавал слабости. Когда умерла мать, семилетнему Глебу не дали даже поплакать — на следующее утро в шесть часов отец вывел его на промерзший челябинский лед отрабатывать челночный бег, пока легкие не выворачивало наизнанку. На трибунах за него никогда не болели. В спортивном интернате чужие матери привозили домашние пироги, а Глеб молча шел в тренажерку ворочать блины, вбивая себе железное отцовское правило: никому нельзя верить, никого нельзя подпускать близко, любая привязанность делает тебя уязвимым для удара в корпус.

Девчонки у служебных выходов и сообщения в соцсетях всегда оставались для него белым шумом. Они клевали на капитанскую нашивку, контракт и красивую картинку из телевизора. Он научился проходить сквозь них, как сквозь картонные манекены на раскатке: вежливо, равнодушно, не сбавляя шага.

Хоккея было достаточно. Это была простая, честная война, где все правила написаны кровью на защитных стеклах.

До сегодняшнего утра.

Глеб потер переносицу, вспоминая раскатку на «Аре-

не-Магнитогорск».

Уходя от столкновения, он резко затормозил у борта, окатив стекло ледяной крошкой. По ту сторону стояла девушка в объемном сером худи. От неожиданности она выронила стилус и прижала к себе графический планшет, но уже через секунду пристально посмотрела на Глеба. Ни испуга, ни восторга, ни попытки достать телефон. В ее глазах читался только спокойный профессиональный интерес — она внимательно изучала его, как натурщика для рисунка.

И этот взгляд пронзил защитное стекло насквозь.

Потом была подсобка Павла Сергеевича. Глеб зашел поменять лезвие, снова увидел ее и решил осадить. Привычный защитный рефлекс: включить высокомерие, прощупать границы. «Автографы не раздаю, кудрявая». Девять из десяти на ее месте смутились бы или обиделись. Эта даже бровью не повела. «Меньше эгоизма, девятнадцатый».

Глеб невольно усмехнулся в темноту иллюминатора. Дерзкая. Ни грамма страха перед его статусом. А когда он снисходительно пообещал ей игровое джерси, если она придет поболеть за его скамейку запасных, она с обезоруживающей невозмутимостью ответила: «Я буду болеть за „Булат“. Так что твое джерси мне ни к чему».

Это был вызов. Чистый, наглый, брошенный прямо ему в лицо. Внутри у Глеба вспыхнул такой спортивный азарт, какого он не испытывал со времен финала конференции. Он вышел на матч заряженным до предела. Три шайбы. Хет-

трик в ворота ее клуба. И каждый раз, празднуя гол, он искал глазами четырнадцатый ряд восьмого сектора, где сидела эта упрямая девчонка в шарфе магнитогорского «Булата».

А после игры… Глеб напрягся, вспомнив скамью у выхода из микст-зоны.

Камеры ГХЛ-ТВ, уставшие журналисты. И она — бледная, измученная, с папкой документов. Он накинул ей на плечи свой свитер не ради красивого жеста для прессы. Ему было плевать на прессу. Это была финальная точка в их дуэли. Долг был закрыт. Он выиграл этот чертов спор, он доказал, что отвечает за свои слова. «Забирай свой трофей».

Но дальше все пошло не по плану.

Когда Полина заявила, что Арина на три недели летит в Ярославль на авторский надзор, у Глеба внутри словно сорвало предохранитель. Земля ушла из-под ног. Он наклонился к ней, коснулся пальцем мягкого завитка у ее щеки и бросил фразу, которая до сих пор эхом звенит в висках: «Через три дня я лично встречу тебя в Ярославле».

Глеб сжал кулаки. Какого черта он это сказал? Северов никогда не делал глупостей. Никогда не обещал того, что не вписывалось в жесткий распорядок его жизни. Лично встречать в аэропорту наемного дизайнера клуба? Это был полный, абсолютный бред. Не в его стиле. Не в его характере.

Его откровенно бесило, что он вообще так много думает о постороннем человеке. Какая-то девчонка с Урала, которую он знает всего два часа, так прочно засела у него в голове,

что вытеснила мысли о турнирной таблице.

Глеб едва слышно выдохнул. Одна его часть — жесткая, вымуштрованная отцом, сосредоточенная на плей-офф — категорически не хотела, чтобы она приезжала. Зачем ему этот раздражитель? Лишний шум. Нарушение режима. Вспышки камер, которые уже сегодня ночью разорвали спортивные телеграм-каналы дурацким заголовком «Ледяной капитан сдался». Ему нужна была полная концентрация на хоккее, где все понятно.

Но другая его часть — та, которую он годами загонял в дальний угол, — с непонятным, почти жадным нетерпением ждала этого рейса из Уфы. Потому что рядом с ней впервые за долгое время было чертовски интересно. Ее колкости подстегивали. В ней не было фальши. Она не пыталась казаться удобной, не заглядывала ему в рот, не просила снисхождения.

В этой девчонке было что-то настоящее. Живое. То, чего ему не хватало.

Глеб достал телефон, перевел его в автономный режим и открыл контакт, только что переданный Полиной: «Арина (от Полины)». Экран осветил его хмурое, сосредоточенное лицо.

Сказал, что встретит, — значит, встретит. Северов своих слов не меняет.

Самолет качнулся на воздушной яме, турбины мерно запели, унося команду сквозь метель в сторону Волги. Дуэль

еще не закончилась. Она только переместилась на его территорию.

***

Пробуждение было похоже на падение в ледяную полынью.

Телефон на прикроватной тумбочке не звонил — он непрерывно, ожесточенно вибрировал, сползая к краю деревянной поверхности. Гул стоял такой, будто в аппарат вселился разгневанный рой шершней.

Арина зажмурилась, нашарила трубку и поднесла к глазам.

Экран разрывался. Семьдесят три пропущенных сообщения в одной соцсети. Двенадцать уведомлений в мессенджере. Четыре пропущенных звонка.

Первым висело сообщение от Полины, отправленное в пять утра:

«*Арина, держись. Я знала, что будет шум, но не думала, что ГХЛ-ТВ выкатит это на главной странице в прайм-тайм*!»

Сердце пропустило глухой удар.

Сон слетел мгновенно. Арина села на кровати, путаясь в одеяле, и открыла новостную ленту спортивного канала.

Она увидела это фото сразу.

Снимок был сделан с безупречной резкостью, какую выдает только профессиональная репортерская оптика. На фоне размытого серого коридора и массивных металлических

дверей стоял Глеб Северов. Пластырь на скуле, закатанные рукава черного худи, рельеф напряженных предплечий. Он склонился к ней почти вплотную, закрывая ее от внешнего мира своей мощной фигурой. На Арине накинуто белое гостевое джерси с 19-м номером, а в глазах, направленных снизу вверх на форварда, читался чистый, неразбавленный вызов.

Заголовок под фото кричал капслоком:

«КАПИТАН „СТРЕЛЫ“ СДАЛСЯ? Глеб Северов после хет-трика в Магнитогорске отдал игровое джерси неизвестной девушке».

Ниже шла ссылка на канал «Лед после сирены»:

«Инсайды подтверждают: незнакомка — дизайнер нового мерча „Стрелы“. Северов лично провожал девушку до выхода. Похоже, у главного холостяка лиги наконец растаял лед под ребрами».

— Господи… — выдохнула Арина, прижимая ладонь к пылающей щеке.

В комментариях под постом уже бушевал ад. Сотни фанаток, привыкших считать Северова недосягаемым монолитом, разбирали снимок по пикселям: «Кто она такая?», «Откуда у нее джерси с плеча после игры?!», «Он ни одной девчонке даже автограф на билете не ставил, вы о чем вообще?!», «Посмотрите на его взгляд, он ее взглядом раздевает прямо перед камерами…»

Экран вспыхнул снова.

Входящее сообщение перекрыло ленту новостей.

Вадим

«Привет. Случайно наткнулся на утренние новости. Знаешь, довольно неприятно открывать ленту и видеть такое. Не позорься. Ведешь себя глупо».

В тексте сквозила привычная, проверенная годами смесь обиды и снисходительного нравоучения. Вадим искренне чувствовал себя уязвленным: девушка, которую он считал «недостойной» его амбиций, оказалась в центре внимания всей спортивной прессы страны без его разрешения.

Арина медленно перечитала сообщение.

Раньше от таких слов внутри все сжималось бы в комок вины. Хотелось бы оправдываться, доказывать, объяснять про выигранный конкурс, про согласование формы, про случайность этого дурацкого жеста с джерси.

Но сейчас внутри стояла тишина.

Пальцы Арины не дрогнули. Она не стала набирать ответ — ни язвительный, ни холодный. Просто зашла в профиль, нажала «Заблокировать пользователя» и смахнула диалог в архив.

Точка.

Из кухни потянуло крепким кофе и маминими гренками. Из коридора донесся шорох домашних тапочек, а затем без стука приоткрылась дверь в комнату.

На пороге стоял Макс — в растянутой серой футболке, с всклокоченными после сна волосами и кружкой в руке; дру-

гой он держал телефон экраном к сестре.

— Ну привет, звезда континентального масштаба, — хмыкнул брат, окинув ее внимательным, цепким взглядом. — Я, конечно, знал, что ты у нас с характером, но, чтобы увести джерси у капитана Ярославля в нашем же дворце… Отец на кухне уже третий раз пересматривает повтор шайбы в пустые ворота и пытается понять, в какой именно момент его дочку завербовал ярославец.

— Макс, это было пари, — вздохнула Арина, закрыв лицо руками. — Он просто… вернул долг за разговор в подсобке.

— Ага, — Макс шагнул в комнату и остановился перед стулом, разглядывая трофей. Он присвистнул, осторожно коснувшись пальцем плотной ткани с девятнадцатым номером. — Слишком много чести для обычного спора, Смирнова. А тут — игровое джерси с плеча, камеры ГХЛ. Все спортивные каналы гудят, как трансформаторная будка. Пишут: «Неужели железный Северов решил остепениться?»

— Прекрати. — Арина подняла голову, чувствуя, как краснеют щеки. — Мне через три дня улетать. Клуб утвердил мой дизайн, я подписала контракт на авторский надзор на фабрике. На три недели.

Макс перестал ухмыляться. Его лицо мгновенно стало серьезным — по-настоящему взрослым, каким оно бывало редко.

— Контракт подписан? Официально?

Она кивнула на рабочий стол, где лежала плотная синяя

папка с гербовой печатью.

Макс подошел, быстро пробежал глазами титульный лист с суммами гонорара и сроками, после чего шумно выдохнул, поставил кружку на край стола и взъерошил ей волосы на макушке:

— Горжусь тобой. Честное слово. А на Вадима и весь этот шум забей. Пусть захлебнутся. Собирай вещи. Ярославль так Ярославль.

***

Следующие три дня пролетели в бешеном ритме.

Город за окном засыпало крупным февральским снегом. Арина почти не выходила из сети, согласовывая с Полиной логистику перелета, технические карты для ярославских закройщиков и эскизы шевронов. Шум в пабликах постепенно трансформировался из дешевых сплетен в профессиональный интерес: клуб выпустил официальный релиз, подтвердив, что девушка со скандального снимка — победительница открытого конкурса и автор новой альтернативной формы, которую команда наденет на решающие матчи плей-офф.

Но фотография все равно осталась в топе запросов. Слишком много неприкрытого собственнического вызова было во взгляде Северова.

В воскресенье рано утром в прихожей родительской квартиры стоял большой черный чемодан. Рядом лежал компактный рюкзак с графическим планшетом, блокнотами и набо-

ром тонких линеров.

Мама бережно поправила воротник ее пуховика, пряча влажные глаза:

— Звони каждый день, слышишь? Шарф не снимай, там у них Волга, ветры сырые…

— Мам, я еду на работу, а не на Северный полюс, — улыбнулась Арина, обнимая ее за плечи.

Отец стоял у входной двери, держа в руках ее чемодан. Он молча проводил дочку до машины, которая везла ее в Уфу, помог загрузить вещи в багажник. Крепко обнял.

— Ты все правильно делаешь, дочка. Рисуй, твори!

Арина рассмеялась, чмокнула отца в колючую щеку и подхватила рюкзак:

— Спасибо, пап.

***

Спустя несколько часов после выезда трансфером в аэропорт шасси самолета «Уфа — Ярославль» оторвались от заснеженной уральской полосы, а еще через два часа с небольшим лайнер уже заходил на посадку над Волгой.

В багажном отделении, аккуратно сложенное на самом дне чемодана среди свитеров и рабочих скетчбуков, лежало белое джерси с номером 19.

Глава 5

Утренняя командная тренировка в Ярославле накануне домашнего матча началась не с тактического разбора.

Едва Северов переступил порог раздевалки «Арены Стрела», гул голосов подозрительно стих. Секундная пауза — а затем из угла, где переодевались ветераны, кто-то фальшиво, но с душой насвистел марш Мендельсона.

Глеб невозмутимо бросил спортивную сумку на скамейку и начал расшнуровывать кроссовки.

С соседнего места поднялся габаритный защитник Антон. Сдерживая широкую ухмылку, он бросил через проход:

— Север, ты боевой свитер девушке подарил, а играть в воскресенье в манишке поедешь?

Раздевалка грохнула от смеха. Запасной вратарь, с грохотом бросив блин в баул, довольно закивал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.